

БЕСЦЕЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

АННОТАЦИЯ. Описано методологию формування цільової функції трансформаційної економічної політики. Зроблено спробу розкрити методологічні протиріччя цільових пріоритетів перетворення системи суспільних відносин. Проведено політекономічне обґрунтування перманентних змін цільового вектора постсоціалістичних трансформацій. Обґрунтовано необхідність формування ціннісних орієнтирів нормативної концепції економіко-політичного устрою суспільства.

КЛЮЧОВІ СЛОВА: Методологія, трансформація, цільова функція, цінності, політична економія.

АННОТАЦИЯ. Описана методология формирования целевой функции трансформационной экономической политики. Предпринята попытка раскрыть методологические противоречия целевых приоритетов преобразования системы общественных отношений. Проведено политэкономическое обоснование перманентных изменений целевого вектора постсоциалистических трансформаций. Обоснована необходимость формирования ценностных ориентиров нормативной концепции экономико-политического устройства общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Методология, трансформация, целевая функция, ценности, политическая экономия.

ABSTRACT. There is described the methodology of forming the objective function of transformation economic policy. An attempt to uncover methodological contradiction target priorities transformation of social relations. A political economy justify permanent changes in the target vector of post-socialist transformation is carried out. The necessity of formation of the values normative concepts of society economic and political structure was grounded in the article.

KEYWORDS: Methodology, transformation, objective function, values, political economy.

Методологія економічних преобразований является наиболее дискуссионным элементом современной экономической теории. Если опустить часть дискуссий, касающую казуистики, то основная часть вопросов лежит в плоскости априорных предположений о сути трансформации как таковой и специфике траектории трансформационных изменений той или иной страны в опре-

деленный промежуток времени. Анализ эволюции экономической мысли в этой сфере позволяет выделить достаточно большое количество научно обоснованных гипотез относительно природы происхождения, причин возникновения и основных функциональных зависимостей динамики экономических изменений. Не смотря на то, что большинство теоретически описанных процессов имеют схожий характер и представлены в виде формализованных теоретических конструкций, опыт постсоциалистической трансформации свидетельствует о невозможности простого перекладывания гипотез, концепций и моделей на перманентно изменяющую целевые параметры трансформационную экономическую систему.

В предыдущих работах была предпринята попытка раскрыть природу и описания методологические принципы использования современных подходов для обоснования постсоциалистических циклов и кризисов¹, однако, вопрос о принципах формирования и структуре ограничений целевой функции трансформационной экономической политики остался неразрешенным, особенно в той части, которая касается противоречий целевых приоритетов преобразования системы общественных отношений. В данной работе попытаемся провести политэкономическое обоснование перманентных изменений целевого вектора постсоциалистических трансформаций.

Методология формирования целевой функции трансформационной политики основывается на выборе институционально осуществимой (общественно приемлемой) нормативной концепции желаемого экономико-политического обустройства общества. Логика такого выбора подразумевает наличие четкой онтологической картины социально-экономических и организационно-политических отношений, позитивной теории, раскрывающей фундаментальные связи между описанными явлениями и процессами.

Согласно принципам научного познания, обоснование общественного выбора должно базироваться на сопоставлении результатов позитивного анализа исходного этапа развития экономической системы с избранной логической структурой нормативных предписаний о желаемом политико-экономическом обустройстве и исключать любые идеологические формы оправдания принятых государственными структурами политических решений. Не-

¹ См., например: *Н.К. Галабурда* Методология обоснования постсоциалистических циклов и кризисов // *Экономическая теория*. — 2011. — № 4. — С. 26—32.

взирая на кажущуюся очевидность такого утверждения, зачастую нормативные концепции подменяются сходными идеологическими конструкциями, а экспериментально-логические обоснования — эмоциональными дериватами.

Истинная мотивация, цели и способы подобных подмен, как правило, остаются за рамками методологических исследований, что делает эту часть структуры экономической теории наименее изученной в методологическом плане. На наш взгляд, проблема проникновения идеологии в науку заключается не столько в оценочном характере нормативных предписаний или уровне влияния академических кругов в политической жизни общества, сколько в степени точности теоретических представлений о начальном и конечном этапе трансформации и только как следствие, возможность популяризации научных взглядов.

Предполагается, что идеализированная логическая конструкция, охватывающая наиболее важные связи системы экономических отношений на определенном этапе развития, представляет собой исходную точку в фазовом пространстве, движение которой непосредственно соответствует естественному поведению этой системы. Выбор той или иной нормативной концепции формирует наше представление о расположении конечной точки, а также возможность обоснования необходимых и достаточных условий для изменения вектора естественного движения в желаемом направлении.

Безусловно, та эlegantность и простота, с которой нормативные концепции экономико-политического устройства общества укладываются в математические модели, позволяет говорить о достаточно высокой точности теоретического представления местоположения целевой точки. Однако ошибочным было бы утверждать, что такие знания непременно приведут к непротиворечивому обоснованию отдельного однозначно определенного вектора трансформации.

Согласно концептуальным положениям Пригожина и Стенгера, функция плотности точек отражает уровень наших знаний о системе: «Чем точнее знания, тем меньше область в фазовом пространстве, на которой плотность отлична от нуля, т. е. та область, где может находиться система. Если бы плотность была равномерно распределена по всему фазовому пространству, то утверждать что-либо относительно состояния системы было бы невозможно. Она могла бы находиться в любом из состояний, совместимых с ее динамической структурой. Точка соответствует максимуму знания, которым мы можем располагать о системе.

Такой максимум есть результат предельного перехода, всевозрастающей точности нашего знания. Непрестанное повышение точности означает, что от одной области в фазовом пространстве, где плотность отлична от нуля, мы переходим к другой, меньшей, которая содержится в первой. Такое стягивание мы можем продолжать до тех пор, пока область, содержащая систему, не станет сколь угодно малой.»¹

Предположение о точности наших знаний относительно состояния экономической системы на определенном этапе развития противоречит естественным возможностям человеческого познания, не позволяя стянуть область фазового пространства в исходную точку трансформации. Тем не менее, получаемая область фазового пространства всегда будет характеризовать предельную величину перехода от заблуждения к абсолютной истине, а вектор траектории движения в таком случае будет зависеть от точности теоретического представления о местоположении исходной области фазового пространства.

Такой подход во многом объясняет ту склонность к эклектике и экспериментам, которая прослеживается в структуре обоснований тех или иных экономических действий правительства, принятых политических решений, программ, проектов и т.п. Идеологизация системы общественных наук в СССР возможно стала главным препятствием не только концептуального видения фундаментальных связей социалистического способа хозяйствования, но и сколь-нибудь реалистичного онтологического описания процессов в обществе как исходного этапа разработки трансформационной политики. Подменяя онтологическую картину экономической системы общества на совокупность идеологических штампов, возможности разработки прикладных концепций и моделей переходили в разряд беспочвенных аффектаций, опирающихся на нереалистичные предпосылки. О пороге некомпетентности и степени зависимости научных исследований от политической конъюнктуры можно судить исходя из массовой печати преисполненных оптимизма работ о потенциале народного хозяйства, обоснований реформирования отношений собственности как необходимого и достаточного условия улучшения народного благосостояния, либерализации финансового сектора и внешней торговли в качестве мер антикризисного регулирования и т.п.

¹ «Сколь угодно малая» не означает «нулевая», и априори ниоткуда не следует, что предельный переход непременно приведет к непротиворечивому предсказанию отдельной однозначно определенной траектории. — *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М.: Прогресс, 1986.

Примечательно, что схожая методологическая картина развития общественных наук наиболее часто проявляется именно в критические периоды жизни общества. Вот, например, что писал Л. Фон Мизес о специфике развития экономической теории Германии 20-х годов XX века: «Итак, студентов более не посвящают в тайны экономической науки. Они изучают бессвязные и разрозненные факты о различных, противоречащих друг другу мероприятиях тех или иных правительств. Их диссертации и дипломные работы посвящены не экономической теории, а различным сюжетам из экономической истории и различным примерам государственного вмешательства в бизнес. Эти подробные и хорошо документированные статистические исследования ближайшего прошлого (ошибочно называемые исследованиями современного положения) представляют большую ценность для будущего историка. Они не менее важны для профессионального обучения юристов и канторских служащих. Но они, конечно, не могут компенсировать отсутствие теоретического экономического образования. Поразительно, что докторская диссертация Штреземана¹ была посвящена условиям торговли бутылочным пивом в Берлине. Учитывая, как строится расписание учебного времени в немецких университетах, можно с уверенностью сказать, что значительную часть своих университетских трудов Штреземан посвятил изучению организации сбыта пива и состояния потребления его населением. Таков интеллектуальный багаж, которым прославленная университетская система Германии снабдила человека, ставшего рейхсканцлером в самые критические годы немецкой истории»².

Мы не будем проводить аналогию с современным положением общественных наук на постсоветском пространстве, где преподавание политической экономии было предано анафеме практически с самого начала переходного периода. Достаточно вспомнить динамику изменений в образовательно-профессиональных программах, чтобы увидеть постепенный, но планомерный процесс разрушения всех научных и философских направлений, которые дают возможность понимания места и роли системы экономических связей в социально-политической жизни общества.

¹ Штреземан Густав (1878—1929) — германский политический деятель, один из основателей и руководителей немецкой народной партии; в августе-ноябре 1923 г. — глава правительства (рейхсканцлер), одновременно с августа 1923 г. — министр иностранных дел.

² Людвиг фон Мизес. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. — М.: Дело при участии изд-ва «Catallaxy», 1993.

Повсеместное переименование кафедр политической экономики на кафедры экономической теории стало формальным толчком для быстрого углубления, дифференциации и фрагментации экономических знаний. Государственные заказы на прикладные программы и проекты реализации принятых политическими силами решений по коренному реформированию экономической системы стимулировали институционализацию отечественной экономической науки: создавались узкоспециализированные университетские кафедры и научные центры.

После длительного информационного вакуума изучение последних достижений мировой экономической науки представлялось весьма долгим и затруднительным процессом. Приспособление к изменившимся политическим условиям сопровождалось попытками адаптации (а подчас и простого эклектического влечения) элементарных базовых основ неоклассической экономической теории в широко распространенную и хорошо известную в академических кругах доктрину марксизма-ленинизма.

Такие изменения привели к методологическому нигилизму в сфере практического реформирования общественных связей. Наука перестала восприниматься как источник нормативного знания, позитивного формирующего оценивания для прикладных разработок программ и проектов реформирования социально-экономической жизни общества. А тенденции сведения области научного познания верификационных положений к поиску метафизических свойств отдельных явлений и процессов, подбора для них благозвучных семантических форм¹ — всего того, что позволяет выдавать желаемое за действительное, прикрывая узость понимания реального положения вещей, свидетельствует о стабильности происходящих в этой области процессов².

Неудивительно, что в таких условиях защитные цели групп с особыми интересами исключали долгосрочную теоретизацию идеологического обоснования поддержки собственных инициатив. Вариативная зависимость направлений теоретических исследований процессов постсоциалистической трансформации от политической конъюнктуры сделали невозможной фундаментальную разработку стратегии реформ. Институциональная специ-

¹ Примером могут служить — подбор названия для действий правительства «политика переходного периода» или «трансформационная экономическая политика», дискуссии о завершении переходного периода и длительности трансформационного и т.п.

² О стабильности процессов самоисключения науки из сферы теоретических разработок реформирования общественных связей говорит и ключевая направленность работ ведущих журналов, и табуирование отдельных тем, связанных с политической жизнью страны, и формализация требований к изложению полученных научных результатов.

фика и временные горизонты политического спроса в своем большинстве формировали содержательную и сущностную составляющие структуры предложения исследовательских программ в сфере теории и практики реформ.

Таким образом, формирование отечественной плутократической модели экономического развития не было подчинено спонтанным силам естественного поведения экономической системы. Ценности максимизации благосостояния групп с особыми интересами за счет бедных и наиболее беднейших слоев общества заложены в целевую функцию неявно, путем подмены таких фундаментальных составляющих как свобода, эффективность равенство и справедливость. В методологическом плане такие подмены не вызывали особых затруднений, и если учесть материалистический характер ценностных ориентиров постсоциалистического общества на начальном этапе трансформации, то необходимой и достаточной теоретической конструкцией могла бы служить «экономика на масштабе» (economies of scale), определяющая положительные эффекты от роста масштабов производства, чтобы убедительно позиционировать любые доводы о необходимости приватизации крупных государственных монопольных гигантов, предоставления постприватизационных льгот и т.д. Такая востребованность обусловила дальнейшую институционализацию научного сообщества. Открывались новые научные и аналитические центры, формировались новые кадры экономических, политических и социальных аналитиков, консультантов, главная цель которых состояла в обосновании принятых решений правительства, либо в обслуживании узкогрупповых интересов отечественного политикума.

Ограниченность аналитического представления о векторе трансформации может усугубляться не только неточностью знаний об экономической реальности, но и степенью неопределенности целевых параметров. О методологической неопределенности в сфере разработок нормативных теорий свидетельствует как разнообразие теоретических концепций функции благосостояния, так и результаты прикладных теорий общественного выбора. Все это обуславливает возможность теоретического понимания трансформационных изменений как ансамбля траекторий, исходящих из ансамбля точек, соответствующих аналитическим представлениям об исходном состоянии трансформирующейся системы и входящих в ансамбль точек, соответствующих нашему представлению о нормативных принципах желаемого экономикополитического устройства общества.

Следует признать, что подмена онтологической картины социально-экономических и организационно-политических отношений общества, стоящего перед выбором пути постсоциалистических преобразований, нормативной идеологической концепцией социализма не только перевела исходную область реального фазового пространства в зону нереальности, но и стала предпосылкой для последующих подмен теоретических исследований подборками всевозможных идеологических клише¹.

Весь выбор пути, который общество осуществляло и осуществляет по сей день состоит в рамках нереального фазового пространства. Единственной преградой, так или иначе формирующей направление вектора трансформации, выступают ценности морально-этического характера, накопленные и прошедшие сложный институциональный отбор за всю историю существования общества. В условиях устоявшейся культуры, сформированных традиционных институтов и устоявшихся формальных норм, безусловно, инструментальные составляющие имеют достаточно высокий уровень издержек и узкий спектр применения. Невозможность агрегирования индивидуальных предпочтений с одной стороны и противоречия в структуре целей власти и общества обуславливают подбор инструментария таким образом, чтобы достижение защитных целей не исключало возможностей реализации целей позитивных. Однако в обществе со сломанными традициями, где напрочь отсутствуют абсолютные ценностные идеалы, методы и инструменты реализации защитных целей власти имеют действительно безграничные возможности. Логроллинг, лоббизм, политическое предпринимательство — все эти инструменты обрели новые содержательные формы на постсоветском пространстве, впитав в себя этос и традиции без малого четырех поколений псевдodemократических революций.

Обострение политической конкуренции и учащение бифуркаций на политических рынках, обусловило увеличение рисков и соответствующую краткосрочность временных горизонтов групп, контролирующих государственный менеджмент. Интересы группового контроля расходов государственного сектора, сменили интересы получение полного контроля над самим госсектором вплоть до политического диктата и возможности распоряжения

¹ К методологическим абберациям относится и постсоциалистическое трактование налога на добавленную стоимость, и учет доходов от приватизации как чистых доходов в текущем периоде, и формирование фискальной модели государственного регулирования на традиционных для советского периода базах, таких как трудовые доходы, производственные доходы и затраты, а не на богатстве и т.п.

остатками государственного имущества в виде стратегических предприятий и отраслей. При этом важной составляющей поведения элит стала возможность получения выгод от объектов государственной собственности, не обременяя себя ответственностью и издержками. Применение подобной практики в трансформационных обществах будет особо пагубным из-за укоренившегося идеологического постулата общественного иждивенчества на мощных плечах государственной (бюрократической, партийно-номенклатурной и т.п.) экономической машины, ставшего фундаментом общественно-политической пропаганды. За неимением фундаментальных программ и сколь-нибудь последовательной политики общество и менеджмент в последнее время стали вести себя так, словно был найден неисчерпаемый источник богатства. Правительства не только сами прибегали к заимствованиям, но и способствовали распространению подобной поведенческой модели в планах ведения бизнеса и бюджетов домашних хозяйств.

Демократия в ее представительской форме есть не более, чем метод реализации интересов общества. Смещение демократических приоритетов к представлению интересов реципиентов государственных расходов уничтожает экономическую основу демократии как политической формы обеспечения гражданских свобод общества. «Представительная демократия не может существовать, если значительная часть избирателей получает плату от государства. Если члены парламента считают себя уже не доверенными лицами налогоплательщиков, а представителями тех, кто получает жалованье, заработную плату, субсидии, пособия по безработице и другие доходы от министерства финансов и государственного казначейства, демократии приходит конец».¹ Наделенные властью лица начинают отождествлять себя не с менеджерами и исполнителями, а с представителями левиафана, вершителями судеб, знающими и осведомлёнными лучше самих избирателей об их потребностях и интересах. Это одно из главных противоречий, заложенных в современных конституционных нормах и на котором основывается современная стратегия и тактика политической конкуренции. С точки зрения социологии, такое противоречие формирует возможность бесконечного манипулирования общественным выбором, уход от целей созидания и национального культурного развития. Именно укрепление расп-

¹ Людвиг фон Мизес. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. — М.: «Дело» при участии изд-ва «Catallaxy», 1993.

ределительных коалиций не только усиливает политическую борьбу за доступ к собственности и отвлекает и без того незначительные ресурсы от экономических целей, но и формирует принципиально новую систему общественных связей, локомотивом которых выступают наиболее успешные бизнес-проекты политических партий и общественных организаций, предлагающие свои услуги по изменению законодательства. И если в начале реформ можно было говорить об открытой оппозиционной борьбе за собственность, то на современном этапе такая борьба носит скрытый характер, и проходит под лозунгами защиты этнических интересов, внешнеполитических курсов и т.п. — всего того, что сможет отвлечь общество от реальных проблем.¹

Постепенно стирая рамки дозволенного, общество начинает свой путь деградации вплоть до введения в спираль исторического развития элементов фарса и буфонады. Обострение политической конкуренции и учащение бифуркаций на политических рынках, обусловило увеличение рисков и соответствующую краткосрочность временных горизонтов групп, контролирующих государственный менеджмент. Интересы группового контроля расходов государственного сектора, сменили интересы получения полного контроля над самим госсектором вплоть до политического диктата и возможности распоряжения остатками государственного имущества в виде стратегических предприятий и отраслей. При этом важной составляющей поведения элит стала возможность получения выгод от объектов государственной собственности, не обременяя себя ответственностью и издержками.

Разрушение нравственных барьеров в угоду симпатий большинства избирателей, заставило многих людей усомниться в ценности демократических инструментов правления. Отказ от действительных культурных ценностей в угоду симпатиям толпы, приводит к нравственной, а со временем и культурной гибели общества. Систематические нарушения фундаментальных обязательств представителями власти формирует нравственное восприятие отдельного индивида оправданности разрыва своей связи с государством. И с этого момента, по словам Тони Оноре, госу-

¹ Предостережения о разрушительном характере современного этапа развития политического предпринимательства были высказаны мной в 2010 году, однако ведущий экономический журнал Украины дважды отказал в праве на публикацию, мотивировав неактуальностью поставленных проблем. Выражаю огромную благодарность Переяслав-Хмельницкому государственному педагогическому университету за оказанную смелость в публикации данной работы. *Галабурда М.К.* Приватизация як інструмент постсоціалістичної трансформації / М.К. Галабурда // Економічний вісник: 3б. наук. праць учених і аспірантів. — Вип.16/1. — Переяслав-Хмельницький. — 2011. — С. 271-276.

дарство теряет право определять законность использования субъектом насилия, а этот индивид, равно как и другие индивиды, решившие к нему присоединиться, более не являются участниками совместного договора с государством и его представителями. Для таких субъектов исчезают моральные ограничения на применение насилия и имеют моральное право рассматривать государственные силовые структуры как силы противника, и, следовательно, использовать против них любые средства, соблюдая лишь ограничения характерные ведению войн.¹ Следуя логике теории элит Гюстава Ле Бона, можно утверждать, что порожденное отсутствием целей созидания дальнейшее использование управленческими элитами политических инструментов разрушения фундамента культуры приведет в действие «слепую силу масс», которая доведет ее до полного развала и установит новую историческую мудрость, лишенную рациональности и достойных человека ценностей².

Статтю подано до редакції 02.02.14

Ružica Šimić Banović, PhD
Senior Assistant — Lecturer, Department of Economics
Faculty of Law, University of Zagreb

HOMO ECONOMICUS IN THE POST-SOCIALIST TRANSITION: LOOKING FOR THE MOST APPROPRIATE THEORETICAL TOOLS

ABSTRACT. In the recent decades the limitations of the neoclassical economics have been increasingly analysed. The criticism primarily tackles its assumptions on the rationality of atomised actors, efficient markets, availability of perfect information, and static foundations. Post-socialist transition additionally questioned straightforwardness of Western economists applying neoclassical tools. It became evident that other factors like institutions and values need to be included and thoroughly researched. At the same time, other approaches to analysis, often including findings from other social sciences, have been taken into account as more appropriate.

This paper draws on the Eastern European transformation experience and focuses on the theoretical support that has been provided since the 1990s. Institutional analysis proved to be very adequate tool for the

¹ *Tony Honoré*. The right to rebel, Oxford Journal of Legal Studies 8 (1988)

² *Le Bon G.* The Crowd: A Study of the Popular Mind. Electronic Text Center, University of Virginia Library 1995.